

SLAVICA HELSINGIENSIA

36

Ben Hellman

ВСТРЕЧИ И СТОЛКНОВЕНИЯ

Статьи по русской литературе

MEETINGS AND CLASHES

Articles on Russian Literature

Helsinki 2009

**Маленький человек и великая война.
Повесть Л. Н. Андреева «Иго войны»**

Массовое отступление русской армии летом 1915-го года и появившиеся сведения о неспособности военной промышленности снабжать фронт боевым снаряжением потрясли русское общество. Оптимистическая вера, что Россия пережила чудесное преобразование в начале войны, оказалась необоснованной. Мечта о том, что к России присоединится Галиция и, может быть, даже Константинополь, разбилась в момент, когда враг стоял на русской территории. Немцы, над которыми русская пропаганда издевалась, проявили внушительную стойкость и военную силу.

Также и в области литературы наступила пора пересмотра прежних позиций. Отношение писателей к войне оказалось слишком легкомысленным и разрыв между художественным вымыслом и действительностью слишком явным. Критики больше не хотели мириться с низким уровнем «военной литературы», и было очевидно, что и читатели устали от военной тематики. Журналы быстро реагировали, сильно сокращая публикации материала такого рода. Писатели ответили массовым отступлением с «литературного фронта» войны.

Леонид Андреев наблюдал за ситуацией с беспокойством. После военной пьесы «Король, закон и свобода» (1914) он сам в своих художественных произведениях писал в основном о других временах и местах, но сейчас, в сентябре 1915-го года, он в интервью сообщил, что намерен вернуться к теперешнему моменту и к России.¹ Осенью он хотел читать ряд лекций «по социальным темам» в Петрограде, Москве, Сибири и русской провинции. План не осуществился, но в октябре, месяцем позже, Андреев опубликовал в «Биржевых ведомостях» несколько статей по актуальным политическим вопросам. Центральной идеей была необходимость и в дальнейшем поддерживать русскую армию и верить в грядущую победу. Как писатель он защищал свое право реагировать на события и в художественной форме.²

В упомянутом интервью Андреев также рассказал о своем намерении написать повесть о войне. Осознавая общее недоверие к военной тематике, он поспешил добавить, что не намеревается писать о фронтовой действительности. Средой должен быть Петроград, и герой умрет не от немецкого пулемета, а, «более скромно», в очереди за сахаром. Ожидания самого автора были большие. Он предполагал, что запланированное произведение будет иметь такое же значение для настоящего момента, как в свое время

---

¹ С. Ф<рид> Л. Андреев о своих планах // *Биржевые ведомости*. 1915. № 15115. 28 сент. (Утр. вып.). (Также: *Бирж. вед.* 1915. № 15114. 27 сент. Веч. вып.)

² Андреев Л. Пусть не молчат поэты // *Бирж. вед.* 1915. № 15155. 18 окт.

«Красный смех» (1905). После неудачного романа «Сашка Жегулев» (1911) Андреев не пытался писать большие произведения, но сейчас он явно хотел реабилитировать себя как сочинителя романов и повестей и, в то же время, сказать веское слово о мировой войне.

Работу над «Игом войны» — таково было конечное название повести — Андреев закончил в январе 1916 года. Из письма к брату видно, что путь от рукописи до напечатанной версии был сложным. Военная цензура хотела сильно сократить текст, и только после вмешательства влиятельных офицеров повесть была четыре месяца спустя пропущена цензурой без купюр.³ Применили однако более мягкий вид цензуры. «Иго войны» можно было опубликовать только в литературном альманахе «Шиповник»,⁴ а не отдельной книгой. Запрет был только временным, но из-за скорой утраты своей злободневности и скромного художественного уровня повесть не была опубликована второй раз. Поэтому она осталась неизвестной как специалистам, так и рядовым читателям.

По своей форме «Иго войны» является дневником, написанным банковским чиновником Ильей Дементьевым из Петрограда. Первые записи сделаны в августе 1914 года, последние в сентябре, год спустя. Дневник, иными словами, обрамляет весь первый год войны, от первых военных успехов в Галиции вплоть до катастроф лета 1915 года. Множество действительных событий войны, взятых из газет, упоминается Дементьевым: завоевание галицийских городов Львова и Галича в августе 1914 года, роковое поражение в Восточной Пруссии, падение Антверпена в сентябре, объявление войны Турции и борьба вокруг Варшавы в октябре, завоевание Перемышля в марте 1915 года и падение крепости три месяца спустя. Потом следует список городов, потерянных летом: Варшава, Ковно, Осовец, Брест, Гродно. Записи становятся все более лаконичными по мере того как крепости, которые русская пропаганда описывала неприступными, падали как кегли в растущем темпе. В дневнике есть также записи об измене полковника Мясоедова, созыве Государственной думы летом 1915 года, шокирующих рапортах о нехватке оружия на фронте и неожиданном роспуске думы.

Ни в одном русском художественном произведении военных лет не отражаются так широко современные события. Этот факт заставил Андреева позже отвергнуть свою повесть как слишком публицистическую,⁵ и многие критики согласились с автором в том, что повесть в своей основе является

---

³ Андреев Л. Письма // *Русский современник*. Л.; М., 1924. Кн. 4. С. 147.

⁴ Андреев Л., Иго войны. Признания маленького человека о великих днях // *Метель: Альманахи издательства «Шиповник»*. Пг., 1916. Кн. 25. С. 143-233. В дальнейшем все ссылки на это издание даются прямо в тексте.

⁵ Андреев Л. Н. Из дневника (13 апреля – 29 июля 1918 г.) // *Русский сборник*. Париж, 1920. С. 152.

чисто документальным произведением.⁶ Эта характеристика однако не является точной. Материал, связанный с конкретными эпизодами войны, охватывает в конце концов лишь малую часть повести. Главная же часть состоит из рассуждений Дементьева о войне и из описаний того, как война влияет на внешнюю и внутреннюю жизнь русского чиновника и его семьи.

Выбор героя был по всей видимости особенно важен для Андреева. В августе 1914 Дементьев рассуждает о роли случая в человеческой жизни таким образом: «Вместо того, чтобы называться Ильей Петровичем Дементьевым и жить в городе Петербурге, на Почтамтской, я мог быть каким-нибудь бельгийцем, Меттерлинком и теперь уже погиб бы под немецкими снарядами» (153). Таким образом, Дементьев делает ту же ошибку, что и сам Андреев, когда он верит в сообщения русских газет, что Морис Метерлинка якобы участвовал в войне с роковыми последствиями.⁷ Но более важно заметить, как эта запись соединяет два главных «военных произведения» Андреева, то есть пьесу «Король, закон и свобода» и «Иго войны». В пьесе героем являлся знаменитый бельгийский писатель, Эмиль Грелье, в котором было явное портретное сходство с Метерлинком. Андреев интересовался тем, как один из великих умов человечества встречает вызов войны. После внутренних конфликтов писатель Грелье бросает свой сад, символ замкнутости и эгоцентризма, и свою увлеченность вечными вопросами для того, чтобы участвовать в войне вместе со своими соотечественниками.⁸ Для повести «Иго войны» Андреев выбрал противоположность Метерлинка, «маленького человека», болезненно сознающего свою незначительность и не имеющего другого выхода для своих мыслей, кроме личного дневника. Герои Андреева являются воплощениями двух крайностей, но на их примере автор пытается доказывать, что должен существовать только один подход к войне, общий для всех, независимо от жизненной ситуации и социального положения.

Илья Дементьев — один из «маленьких людей» русской литературы. Уже подзаголовок повести, «Признания маленького человека о великих днях», подчеркивает связь с литературной традицией. Адрес Дементьева — Почтамтская улица — намекает на пушкинского станционный смотрителя

---

⁶ См.: Kaun A. *Leonid Andreyev. A Critical Study*. New York 1924. P. 135; Woodward J. B. *Leonid Andreyev. A Study*. Oxford, 1969. P. 246.

⁷ Хеллман Б. Леонид Андреев в начале мировой войны. Путь от «Красного смеха» к пьесе «Король, закон и свобода» // *Литературный процесс: внутренние законы и внешние воздействия: Тр. по русск. и славян. филологии / Учен. зап. Тарт. ун-та*. Тарту, 1990. Вып. 897. С. 87-88. (*Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia II*). См. также в наст. томе.

В немецком переводе «Иго войны» (Leonid Andrejew. *Das Joch des Krieges. Roman*. Zürich, 1918), сделанном по авторской рукописи, Метерлинка уже не упоминается. Возможно, что Андреев только после 1916 года узнал настоящую военную биографию бельгийского писателя.

⁸ См.: Хеллман. Указ. соч.

теля, родоначальника этого типа.⁹ Традиционные угрозы для «маленького человека» — безразличный представитель власти и иерархически построенное общество, в «Иге войны», однако, заменены войной. Дементьев пытается охранить себя и свою семью, свое «маленькое счастье», именно от войны. После первой паники кажется, что жизнь может и вернуться в нормальное русло: «<... > живу, как и прежде жил: служу, хожу в гости и даже театр или кинематограф, и вообще никаких решительных изменений в моей жизни не наблюдаю» (147). Дементьев слишком стар, чтобы быть призванным в армию; военные столкновения происходят далеко от Петрограда; город и банк производят солидное и надежное впечатление. В романе возникает такое же деление между двумя сепаратными сферами, между «здесь» и «там» (151), как и в пьесе, и главным стремлением героя является защита своего мира от чужого.

Андреев в очередной раз рисует портрет человека, ограждающего себя от несовершенной, хаотической жизни. Все, что происходит извне, воспринимается как угроза. В романе такую угрозу представляет даже теща Дементьева с ее беспокойством за своих призванных сыновей: «<...> всегда у нее что-нибудь найдется, чем она сумеет расстроить Сашеньку и внести дисгармонию в наше маленькое счастье» (156). Война является самой большой дисгармонией, которую любой ценой надо устранить из собственной духовной сферы и семейного круга. Ход событий в «Иге войны», следовательно, демонстрирует неосновательность этой позиции. Все фальшивое и иллюзорное отпадает, пока Дементьев не приобретает более глубокий и верный взгляд на жизнь.

Обновляющее влияние войны на личность было популярной темой в русской военной литературе. «Иго войны» однако нельзя прямолинейно отнести к этой группе, несмотря на то, что и Андреев описывает, как человек основательно изменяется в результате войны. Но герои «Короля, закона и свободы» и «Ига войны» не ослеплены немецкой культурой и не полны презрения ко всему родному, как, например, герои Федора Сологуба; им совсем незнакомы неврастения и усталость от жизни, которыми страдают герои Алексея Толстого или Сергея Городецкого. Война не спасает их от духовного кризиса. Проблемой Грелье и Дементьева являются их отвращение к войне и принципиальное неприятие ее. Чтобы стать активными участниками событий, они должны сперва преодолеть свое внутреннее сопротивление.

Если Андреев первоначально собирался создать в романе образ антигероя, мещанина, главным полем битвы которого являются очереди за продуктами, то в окончательной версии ему удалось нарисовать гораздо более

---

⁹ А. Каун (см. указ. соч. С. 135) сравнивает Дементьева с Макаром Девушкиным, героем «Бедных людей» Достоевского, находя в обоих избыточный сентиментализм.

глубокий портрет. Пацифизм чиновника Дементьева, как ни парадоксально, более красноречив и острее сформулирован, чем позиция знаменитого писателя и философа Эмиля Грелье. Так считали, по-видимому, и цензоры, которые пропустили «Короля, закон и свободу» без проблем, но хотели значительно сократить «Иго войны».

Несмотря на свою «малость», Дементьев не боится думать иначе, чем та часть русской интеллигенции, которая всецело поддерживала войну: «<...> мне ужасно не нравится, что война. Очень возможно (да это так и есть), что более высокие умы: ученые, политики, журналисты способны усмотреть какой-то смысл в этой безобразной драке, но с моим маленьким умом я решительно не могу понять, что тут может быть хорошего и разумного» (152).

Для Дементьева война — массовое убийство; люди убивают друг друга, не понимая зачем. В событиях он никакого высшего смысла видеть не может, так как война в его глазах «больше похожа на сплошное живодерство, чем на торжество какой-то справедливости» (156). Для гуманиста Дементьева человек является мерой всего. Каждый отдельный человек важен и уникален: «Людей режут и душат, а они уверяют, что это и надобно, что это и хорошо — потом, дескать, возьмем мы Берлин и справедливость восторжествует. Какая справедливость? Для кого? А если среди погибших бельгийцев был вот такой же Илья Петрович, как и я (а почему ему и не быть?), то очень ему пригодится эта справедливость!» (154).

Дементьев активно протестует против теорий, низводящих личностей до идентичных клеток социального организма, бессознательных кирпичей государственной стройки. Людей нельзя превратить в числа, которые можно без колебаний выложить и пожертвовать ими во имя какой-нибудь более высокой правды:

Это для зерна и огурцов есть счет, а для человека нет числа, это дьяволов обман. Всякий, кто людей не по имени называет, а считает, тот есть дьяволов слуга и обманщик: сам себе лжет и других обманывает — как только начнут людей считать, тотчас же теряют и всякую жалость, всякий рассудок. Для примера тут же в газете про одно боевое столкновение буквально напечатано: «наши потери ничтожны, двое убитых и пятеро раненых».

Интересно знать: для кого это «ничтожны»? Для тех, кто убит? (181.)

За газетными рубриками Дементьев умеет различать индивидуальные, уникальные человеческие судьбы, даже когда речь идет о враге. Человеческое он ставит выше, чем национальное, и где пропаганда подчеркивает различия, он видит именно то, что соединяет людей. Когда его коллеги в банке беседуют о значении Константинополя для России, Дементьев сразу видит перед своими глазами турецкого «маленького человека» Ибрагим-

бея, чья жизнь теперь находится под угрозой. Способность Дементьева отождествляться с другими относится также к немцам: «Да и кто такие немцы? В конце концов все такие же люди, как и мы, и нас они вероятно боятся ни больше, ни меньше, чем мы их» (149.) Это слова Дементьева от августа 1914 года. Установившаяся литературная схема, с которой Андреев, несомненно, был знаком, заключалась в том, что если герой так рассуждает в начале войны, то действительность скоро показывает ему самым жестоким образом, что его мысли о «человечности» врага только сентиментальные иллюзии. Этот штамп Андреев нарушил.

У толстого турка Ибрагим-бея, воплощающего для Дементьева врага, есть предшественник в русской литературе. В рассказе Всеволода Гаршина «Четыре дня» (1877) убитый вражеский солдат, сперва воспринятый главным героем как турок, раскрывает суть войны, то есть убийство.¹⁰ Здесь можно отметить реминисценции из «Четырех дней», и, прежде всего, из рассказа «Трус».¹¹ В «Трусе» Гаршина и «Иге войны» Андреева мы встречаем двух героев из Петербурга, которые в своих записных книжках ведут мысленную борьбу с войной. Оба — мирные люди с твердыми, гуманными идеалами. Война является для них прежде всего кровавым деянием с человеческими жертвами. Гаршин первым указал на то, что скрывается под рубрикой «наши потери — незначительные». И в «Четырех днях», и в «Трусе» он отвергает эту коварную арифметику и показывает все предельно наглядно. Маску, скрывающую реальность войны, надо было сорвать, чтобы страдания и смерть не были забыты.

Дементьев и герой «Труса» защищают себя одинаковыми аргументами, когда объясняют свою отчужденность от войны. «За что я буду тут отвечать? Разве я войну начал?» — говорит гаршинский студент,¹² и Дементьев тоже неоднократно отрицает свою причастность словами, что он не хотел войны. Эта невиновность как будто дает им моральное право стоять в стороне от войны. Война не вправе предъявлять им требования и затрагивать их духовный мир. «Не я хотел и начал эту войну, не я создаю и создал эту неурядицу, и смешно все это взваливать на мои плечи», — жалуется Дементьев (203).

И Дементьев, и студент Гаршина поставлены перед обвинением в том, что их неприятие войны на самом деле основывается на трусости. Было даже высказано предположение, что Андреев, как патриот и защитник войны, хотел высмеять современных пацифистов, нарочно вложив возвышенные монологи в уста жалкого эгоиста. На первый взгляд, аргумент ка-

---

¹⁰ См.: Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и Вс. Гаршин // *Вестник Ленинградского университета*. 1964. Вып. 8.

¹¹ Е. Колтановская (Литературные отражения // *Речь*. 1917. № 174. 27 июня) первой обратила внимание на сходство «Ига войны» и «Труса», но ограничилась лишь общим указанием.

¹² Гаршин В. М. *Сочинения. Рассказы. Очерки. Статьи. Письма*. М., 1984. С. 65.

жется вероятным. В ситуации, когда усталость от войны росла, Андреев мог бы считать необходимым провоцировать открытых и тайных противников войны, ставя их аргументы под сомнение. Но чтобы функционировать как сатира, портрет Дементьева должен сохраниться неизменным до конца романа. На самом же деле герой Андреева изменяется. Он осознает некие эгоистические стороны своего характера, но при этом он не отвергает своего пацифизма.

Одинаковы не только исходные позиции Дементьева и гаршинского студента, но также их развитие. Оба убеждаются в невозможности убежать от войны. «Война решительно не дает мне покоя», — жалуется герой «Труса» в самом начале своих записок,¹³ и Дементьев скоро делает то же самое наблюдение. Когда война неожиданно вспыхивает летом 1914 года, он находится со своей семьей на даче в Шувалове. Его спонтанная реакция — убежать, «бежать без оглядки, бежать бесконечно <... > не до Питера только, а до самой неведомой границы земли» (148). Маленькая деталь, связанная с быстрым отъездом с дачи, позволяет читателям правильно оценить позицию Дементьева. Бег, не от врага, а именно от войны, стоит ему 30 рублей. В «Иге войны» число 30 связывается в серебрениками Иуды Искарриота и является поэтому символом предательства. Весной 1915 года полковник Мясоедов продает Россию «за 30 серебреников» (187), и когда шурин Дементьева, спекулирующий на войне, предлагает экономическую помощь своей матери и семье своей сестры, Дементьев отвергает эти предложения, называя сумму «одним из серебреников», полученных шурином за продажу родины (200). Андреев, иными словами, дает понять, что Дементьев сам неправильно поступил, когда он летом 1914 года отверг войну. «Преступление» Дементьева не в том, что он сочувствует врагу, а в его желании остаться в стороне, не пачкая свои руки.

Сама жизнь впоследствии испытывает Дементьева. Его желание провести Рождество в мирной Финляндии, подальше от военных телеграмм, сразу карается известием, что его шурин погиб на войне. Но есть и другое, противоположное искушение, которому Дементьев подчас поддается, а именно шумный и легкомысленный шовинизм, который не считается с трагическими сторонами войны. В романе банковские служащие являются представителями такого подхода к войне. Их участие в войне заключается в том, что они переставляют булавки на карте, и когда летом 1915 года начинаются неудачи на фронте, они сразу теряют всякий интерес к событиям. Дементьев обычно находится в оппозиции к своим коллегам по работе, но и он иногда увлекается, испытывая спонтанную радость при получении вестей о победах. После его участия в уличных демонстрациях по поводу взятия Перемышля, *немецкида* его опять карает: его дочка неожиданно уми-

---

¹³ Гаршин. Указ. соч. С. 53.

рает. Значит, существуют две крайности, которых надо избегать, а именно, оторванность от других и шовинизм.

Летом 1914 года Дементьев теряет свою работу, когда банк, его надежная крепость, который «крепок, как стена» (153), становится банкротом. Это событие вносит в роман мотив экономических последствий войны. Когда «стены» упали, Дементьев наконец видит все, что происходит в русском обществе. Он понимает, что есть люди, которые бессовестно обогащаются на войне даже в момент, когда родина в опасности.¹⁴ Когда он пытается обнаружить причины войны, жадность спекулянтов и людей вообще кажется ему важной: «Война потому, что каждый человек хочет, чтобы у него было всего больше всех» (215). Прежде такой мирный, Дементьев наполняется ненавистью к коммерсантам и банкирам: «Вот на кого надо идти войной, на мерзавцев, а не колотить друг друга без разбору только потому, что один называется немцем, а другой французом. Человек я кроткий, но объяви такую войну, так и я взял бы ружье и — честное слово! без малейшей жалости и колебания жарил бы прямо в лоб!» (200-201.)

Рассуждения Дементьева близки к ленинской линии. У войны есть экономические причины, и главная задача состоит в том, чтобы превратить империалистическую войну в гражданскую. Но, к разочарованию марксистских литературоведов, выводы самого Андреева на основе его социальной критики все-таки не были «правильными», так как он дал своей повести «ошибочный конец».¹⁵ Критики не замечали, что военные спекулянты в главном служат зеркальным отражением Дементьева. Несмотря на то, что его мотивы и действия по характеру своему отличаются от их поступков, он тоже является изменником родины. Его эволюция оказывается, однако, более важной темой, чем наказание спекулянтов.

Смерть дочери, потеря службы, трудная ситуация России на войне, — все это вместе повергает Дементьева в глубокий кризис летом 1915 года. Он еще не нашел дорогу к спасительному коллективу, а наоборот обособляется, испытывая растущую ненависть к другим. Внешним проявлением его кризиса является его неспособность плакать. «Прежде таких, рассказывают старики, в церкви отчитывали и приводили в прежние чувства <... > а кто сможет меня отчитать?», — жалуется он (191). Дементьев снисходительно относится к церкви, но несмотря на его сомнения, именно в Казанском соборе он вновь открывает в себе способность чувствовать и плакать. Он всегда осознавал свою индивидуальность и верил в свой ум, но теперь, видя молящуюся толпу вокруг себя, он смиряется перед коллективным ре-

---

¹⁴ Андреев критиковал военных спекулянтов в статье «Надо!» (*Бирж. вед.* 1915. № 15151. 16 нояб.).

¹⁵ Афонин Л. Леонид Андреев. Орел, 1959. С. 210; Вильчинский В.П. Литература 1914–1917 годов // *Судьбы русского реализма начала XX века* / Под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1972. С. 263.

лигиозным убеждением: «Значит, важно и нужно, если столько людей и с таким беспокойством собираются вкуче и зовут Бога — и мне ли, с моим маленьким умишком, спорить против них и допрашивать!» (195.)

Дементьев сейчас готов вступить на путь смирения. Рационалист становится мистиком, заставляя замолчать свой беспокойный ум с его постоянными вопросами и протестами и предаваясь слезам и эмоциям. «Маленький ум», о котором он раньше говорил с неким самодовольным кокетством, сейчас превратился в жалкий «маленький умишко». Но путь покаяния еще не пройден до конца. Следующим этапом является событие на Финляндском вокзале в сентябре 1915 года. Группа военных инвалидов возвращается из немецкого плена, и Дементьев вместе с толпой смотрит на них, наполненный сочувствием. Для него они являются не просто жертвами жестоких боев, а такими же невинными людьми, как и он сам, все-таки пожертвовавшими собой ради родины. В его глазах они — женихи с тяжелыми венцами на головах. Раненые солдаты, связывающиеся тут с образом невинного, страдающего Христа, символа крайнего самопожертвования, становятся тяжким обвинением герою. На вокзале Дементьев слышит, как мать-Россия проклиная его, сына, который хотел убежать от своих обязанностей.

Замученный сознанием своего предательства и, как следствие, своей ненужности, Дементьев решает на следующий день покончить с собой. Но мистическое видение, за пределом слов и разума, мешает ему прыгнуть в Неву. В июле у него было видение России, несчастной родины, но в этот раз отпадают и последние мешающие границы. Раньше Дементьев всегда сильно ощущал свое собственное «я», свою индивидуальность, но теперь он видит себя человеком среди других людей. Его «я» исчезает в бесконечном потоке человечества; нет чужого, нет своего. Тут даже смерть теряет свое жало, и это — как всегда у Андреева — надежный знак того, что человек выбрал правильный путь. Дементьев возвращается очищенным к своей семье, где его встречают как блудного сына. Его жена заботится о нем, как о «тяжело раненом» (233). В «Иге войны» все люди страдают под игом войны и все, в конце концов, являются ее жертвами.

Главной чертой в преображении Дементьева оказывается смирение. Тут личное сливается с общим, так как смирение — тоже путь всей России. Дементьев молится в истинно славянофильском духе за спасение России: «Спаси, Господи, Россию, и ее города, ее людей, ее дома и домишки. Не по заслугам, не по богатству и силе помилуй ее Господи, а по малоумию нашему, по нищете нашей, которую так возлюбил Ты в земной жизни Твоей!» (227.) Свое бывшее отношение к войне он теперь расценивает как слепоту, снисходительность и гордость. Видеть себя свободным от вины и обвинять участников войны — отдельных солдат и нации — знак фарисейства. Нет ни виноватых, ни невинных, а война является общим несчастьем. Эта мысль была сформулирована еще в гаршинском «Трусе». Там медсестра Марья Петровна сумела открыть глаза колеблющегося студента сло-

вами «по-моему, война есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится».¹⁶

Джеймс Б. Вудворд, формулирующий тему повести как «преодоление индивидуальности», обратил внимание на то, что Дементьев сперва протестует против «дегуманизации» на войне, против превращения личностей в идентичные клетки социального организма, но потом добровольно растворяется в национальном коллективе, радуясь чувству единства и братства.¹⁷ Андреев, однако, тут явно ссылается на два разных типа организации, «немецкий» и «русский». Дементьев не превратится в анонимный «кирпич» механической государственной структуры, а найдет свое подлинное «я» в чувстве соборности.

Новое понимание Дементьева сразу же подвергается испытанию. В сентябре Болгария вступает в войну на стороне Центральных держав. В России предательство Болгарии против славянских братьев вызвало шок, между прочим и у самого Андреева.¹⁸ В то же время газеты публикуют страшные сведения о массовом убийстве армян, совершенном турками. В «Иге войны» эти эмоционально потрясающие события, однако, не используются для пробуждения еще более острой ненависти к врагу. На самом деле, они становятся испытанием, которое Дементьев должен преодолеть. И тут он смиряется, в этот раз уже перед непостижимой человеческой душой, способной к злу так же, как и к добру. Опять он умеет восстановить свое душевное равновесие: «И прошел мой гнев, и снова стало мне печально и грустно, и опять текут у меня тихие слезы. Кого прокляну, кого осужу, когда все мы таковы, несчастные! Вижу страдание всеобщее, вижу руки протянутые <...>» (233.)

Новое понимание Дементьева не означает конца всего того, во что он раньше верил. Оно не включает в себя утверждения необходимости войны и какого-то ее внутреннего смысла. Сочувствие и чувство братской любви, которые Дементьев ощущал во время войны, подчеркиваются и распространяются на всех без исключения. Человечество заблудилось на войне, и связи с истинно человеческим порвались. Дело уже не в Матери-России, а в Матери-Земле и ее сыновьях.

Никто не имеет права остаться в стороне от войны, но речь идет не о необходимости повысить военный потенциал страны, а о чувстве солидарности со страдающим человечеством. Солидарность реализуется через национальное: «Будь я германец, меня и Германия прокляла бы, потому что и там есть свои безногие, безрукие и слепые инвалиды, защищающие других» (219). Соединение вытянутых рук Матери-Земли и ее потерявшихся

---

¹⁶ Гаршин. Указ. соч. С. 64.

¹⁷ Woodward. Указ. соч. Р. 246.

¹⁸ Андреев реагировал на решение Болгарии стать «Изнанные из храма» (*Бирж. вед.* 1915. № 15127. 4 нояб.).

детей становится обязанностью для Дементьева, и он решает участвовать в войне санитаром. Своим самозабвенным трудом среди раненых его жена указала ему правильный путь. Решение Дементьева унимать страдание и служить другим отличается от выбора бельгийского писателя Эмиля Грелье, взявшего ружье, чтобы бороться против врага, и свидетельствует об эволюции взглядов и самого автора. Но в обоих произведениях создается одинаковая эсхатологическая утопия будущих дней. Когда руки людей наконец соединятся, пишет Дементьев, тогда «наступит что-то вечное, что-то солнечное, какая-то немеркнущая жизнь <...>» (232).

Летом 1915 года Дементьев чувствовал, что он окружен «гладкими, отвратительными стенами» (214). Теперь преграды, закрывавшие его от настоящей жизни, падают. Внутренняя перемена в Дементьеве естественно кладет конец самой повести: дневник был важен, пока он жил оторванным от других людей. Как и в пьесе «Король, закон и свобода», Андреев использует и в своей повести миф из собственной легенды «Земля»: Бог прокликает ангела в белых одеждах, а тем, кто запялнул свои одежды потому, что делил участь людей и жил среди них даже в страдающем, грешном мире, дается отпущение. В этой связи можно прямо применить к тексту Андреева слова литературоведа В. Порудоминского по поводу рассказа «Трус» Всеволода Гаршина: «Участие в “общей жизни”, слияние с ней, растворение себя в ней освобождает от неоплатного чувства вины перед другими, от необходимости решать проклятые жгучие вопросы; есть, оказывается, великий смысл в том, чтобы добровольно, всем существом своим стать “пальцем от ноги”».¹⁹

Назвать «Иго войны» патриотическим²⁰ или антивоенным произведением²¹, или даже «одним из самых крупных гуманистических протестов против мировой бойни»²², значит сказать полуправду. «Иго войны» является и патриотическим, и антивоенным романом, но на уровне более высоком Андреев уже не интересуется оппозицией «война — антивоенный протест». Вместо нее находим оппозиции, знакомые по всему творчеству Андреева: ум — чувство, нейтралитет — участие, изоляция — общность.

---

¹⁹ Порудоминский В. Час выбора // Гаршин. Указ. соч. С. 15.

²⁰ Колтановская. Указ. соч.; Newcombe J.M. *Leonid Andreyev*. Letchworth, 1972. P. 119.

²¹ Афонин. Указ. соч. С. 21.

²² Вильчинский. Указ. соч. С. 263.